

G

ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА

*Перевод с немецкого
Сергея Морейно*

ЮРГ ХАЛЬТЕР

Конец присутствия

Русский Гулливер

В основе издания лежат сборники стихотворений:
Jürg Halter. Ich habe die Welt berührt, Ammann Verlag, Zürich 2005
Jürg Halter. Nichts, das mich hält, Ammann Verlag, Zürich 2008

Юрг Хальтер. Конец присутствия.
Русский Гулливер, Москва 2014. – 88 с.

Издательство и переводчик благодарят
Швейцарский культурный фонд Pro Helvetia
за финансовую поддержку этой книги

prohelvetia

[lo:rən]

Translation House Looren

Перевод – Сергей Морейно (Saulkrasti)
Состав, редакция – Зорка Цикламини (Zürich)
Консультации – Франциска Цверг (Groß Glienicke)
Фотография на обложке – Андрис Тапиньш (Liepāja)
Идея серии – Олег Асиновский и Вадим Месяц (Москва)

Швейцарский поэт Юрг Хальтер (Jürg Halter, 1980) и в то же время Kutti MC. Философская лирика оборачивается любовной стороной дела, верлибр оборачивается рэпом, ирония – здравым смыслом. Это игра в превращения, необходимая для того, чтобы коснуться этого мира. Хальтер не только и не столько homo ludens (человек играющий); он – человек касающийся, осязающий и осязаемый: homo tangens. И, в то же время, мир этот таков, что простое касание уже вызывает боль... однако игра приходит на помощь. В конце концов, отсутствующее выражение на лице в качестве маски MC оборачивается концом отсутствия.

© Jürg Halter, тексты, 2005–2014
© Сергей Морейно, перевод, 2014
© Andris Tāriņš, фото, 2012
© Русский Гулливер, издание, 2014

ISBN 978-5-91627-109-6

Содержание

Сбывшееся	9
Я черная, бегущая к центру сознания точка	10
В неадекватных глазах павлина	13
Ех oriente lux	15
Мигают откуда-то издали	16
Я, листок	17
Ни одна книга не раскроется	18
Моя любимая песня	20
Высокие слова для природы	24
Лаванда, шалфей, как всегда	27
Я коснулся этого мира	31
С необходимостью	39
Стать легче	40
Беседа	41
Без отправителя, без адресата	42
Темное облачко	43
Сравни меня	44
Отражение	47
Камень обращается к человеку	48
Узбекская заповедь	49
Оттуда или Туда	50
Стебли травы распрямляются	51
Время вне мира	52

Новая игра	53
Голоса	54
Моя любовь к тебе	55
Благая весть	56
Подкидыш	57
Цветистый уход	58
Не менее 4000 оттенков	59
Выход памятника	60
Пророчество	61
Господь изучает свою руку	62
Мечты спящего	63
Ядерный синтез	64
В игрушечных гостях	67
Вторжение	68
Натюрморт	69
Без вопросов	70
Лишь временно	71
Жизненный план	72
Медитация	73
Эскапизм	74
Мой милый лебедь	75
Конец твоего присутствия	76
Сними пальто	77
Станция	78
Назад сквозь время	79
Говорящая вода	80
7 дней Cuba/Бар	81
Поющие под дождем	82
Русский свет	83
Перед этнографическим музеем	86

Любимая песня

Сбывшееся

С тех пор, как мы друг друга
поняли, сказать больше нечего.

Наши в замедленной
съемке рвущиеся сердца.

Я черная, бегущая к центру сознания точка

Я черная, бегущая к центру сознания одинокая
точка
я выжидаю в разумной пестроте этого мира
как в клетке

Я вытолкнут иссушенной, холодной землей
рожден под падающими темными звездами
и поднят наверх над сияющей мрачно Землею

Я, сгорбившись, сижу на полевом валуне
стрекот кузнечиков:
мортальное остроумие, однако –

Расставив руки, гляжу на солнце, будто самый
скорбный приемник его лучей
мое присутствие на земле это последняя спичка
в уголке рта
моего врага, действие
в моей голове: на перекрестке прижал
усталый фланер к обожженным щекам ладони и –

Ноги меня не держат, земля к коленям бежит

Как идут дела? – Я печален
и кругом миражи.
Я учусь умирать, не смиряясь
и не оскудевая, не предпринимая ни единого шага
и не стремясь
я тренирую себя, защищаю себя и предаю
//

Светлое в мгновение ока темнеет
опускается веко
продолжается деятельная суета за окоемом

Там, наедине с бесконечностью, я капля
выплюнутая в мировой океан, и мне интересно:
«Что такое длина волна?»
– я колебался пару секунд, не дольше –
что было делать и кто будет виноват?

Стоп, сейчас я падаю
обратно в тяжелое кресло

Я из тех, кто спрашивает: «А не придется по вкусу
быть меланхоличным?»

На время, равное одному походу в бар,
легкая меланхолия пригрелась у меня на груди.
Мысли мои суть краткая прогулка сквозь мимолетные
урбанистические ландшафты на стенах

Так ты говоришь, гешефты? – Я говорю, дела таковы, что
вследствие апокалипсиса мертвая моя голова, сжав в руке
невредимое зеркало, вопрошает: «Я это ад или рай или все-
го лишь определенно скептический череп в очаге новейшей
истории? Может быть? Я, последний череп?»

Ты спрашиваешь, как идут? – Ты заявляешь, что ты
интересующаяся
собственным разумом вакцина
а вера замок воздушный, чьих стен тебе никак не
втянуть в свои легкие
ты говоришь твердо, но смутно и мимо меня

ты легла, ты спишь, я слежу за тобой
ты говоришь, мол, воля это лошадка с норовом,
опрепый язычок лаврового листа

Ты сидишь на краю постели
глотаешь воду
минуешь двери, идешь вверх по лестнице
ты стоишь на крыше, я вижу ты
берешь себе стул, рукой
подпираешь голову, взгляд –

между небом и землей – ничего не случается
твои глаза столь ясны – я знаю подземный яд

В неадекватных глазах павлина

В неадекватных глазах павлина
качаются розового и голубого
цвета мопсы
утомленные пенной ванной
задник образует многоцветная
    клумба орхидей
с нее стартуют пастельные
мотыльки, струясь, стремятся
непрестанно
единым роем сквозь сад за решетчатой высокой
    оградой

На коврах с вышитыми ратными мотивами
по английскому газону
разложены блеклые дамы, что
пудрятся, целуя друг другу тонкую
кожицу на висках
ароматные лепестки непрестанно заплывают под
    их белые юбки
впадая в общее одушевленное роение

На самом краю пруда, под плакучей ивой
подставил
свое брюшко солнцу
дельфин
из его дыхала льет яркий
свет, и прямо на птицу
чьих перьев уже достиг
жаркий дельфиний запах – оглушает
//

Дамы, заткнув бутылки с пивом
охлаждают фарфоровые лбы – а при этом
в пруд уже осыпаются лучащиеся
мотыльки
выдохшиеся, увы
лепестки падают –
их рой заметно редет

В холодильнике отдыхает пара пива
в неослабевающих объятиях.
Дамы берут себя
в руки, павлин поворачивается
к ним задом –
мопсы: минимизируют свое дыхание.

Похоже, режиссура захлебывается.

Ex oriente lux

В зимнем саду, в кимоно
возникаю из тапочек своих домашних.
Солнце тепло отдает:
Утренние слезы орбиты глаз покидают кометами

На небо из моего пупа поднимается луна
ее пыль это звезды, ими обездвижен космос
ночь: все больше пыла в Большой Медведице
Большая Медведица это знак, и она судьбоносна

Исход моего сна возвращает назад пустоту
в ней сухо взрывается неясная тоска. –
свет приходит с востока значит Ex oriente lux
значит, блеск тоже может прийти с востока

Сижу, согнувшись в плетеном кресле, одной рукой
поддерживаю лоб, любимую чашку держу другой
в ней порошок в ожидании – я тоже жду вместе с ним
того, что на моих бессонных глазах сотворит мне кофе

Мигают откуда-то издали

Она пудрит старческую кожу
и затеняет молочные усики
он советует старикам бастовать на скамейках
детям устраивать сквоты

Мигают откуда-то издали ей и ему
дружественными цветами
одна серая звезда и одна красная

Оба стоят и смотрят
на небо, она гасит свою последнюю сигарету:
вот они расправляют
крылья и взлетают

Следующим утром:

По скамейкам в парке
растерты сухие крошки хлеба.
В только что занятых домах
стоя босиком на кухнях сквоттеры
грациозно имитируют жесты вчерашней пары.

Я, листок

Вот я появляюсь на ветке
я расту, пока –
не поплыву по воздуху...

несомый ветром
таково мое первое и последнее чувство
свободного падения во –

Я, листок.

Гнило и сыро
но я не устаю взывать к милосердию естественного
распада, распевая:
«По возвращению на ветку свою тоскую, где
вылупился из почки, чтобы пойти по миру»

Я, листок.

Ни одна книга не раскроется

В окне во двор
встает женщина, облакачивается
о подоконник, наблюдая
послеобеденное тепло –
она вытирает пот со лба влажной тканью
во дворе всё чередом:
сосед вычищает свой гриль

Из гнезда на березе выглянет сорока
и спрячется, его часы
тикают, мужчина оглаживает обивку
комический мим, в кресле

В другой комнате
подушка крупно, рот открывается
между рядами зубов тянется длинная нитка слюны
затем обрыв

Он перелистывает страницу, до пятницы
будет пасмурно.
Она протянула руку
и его плечо напряглось.

В другой комнате
сквозь прутья кровати выпал плюшевый зайка. – О, там
ни одного спящего ребенка.
Это просто заяц, он бдит.

Стенной шкаф клацает, он и она отражаются в
окне. – О, там нет ни одной смущенно молчащей пары.

Во дворе стоит сосед, он стучит
гриль, гонг, Господи: он взывает.

Мужчина ловит запястье женщины у
себя на затылке, тянет ее за руку
листает страницы
ни одного похожего окна

Вступает женщина, охлопывает, оглаживает шею
царапает кожу. Кожа, ни одна книга не раскроется.
Следует вот что: она вынимает свой искусственный глаз
вставляет его мужчине в раскрытый череп.
Он раздирает пальцами обивку. – О, не для красного словца
он скрипит зубами
Перелистывает страницы, погодный
фронт без перемен, послеобеденное тепло за окном

Поджатыми губами она сухо
чмокает его в лоб.
Стенной шкаф клацает, однако фарфор
воздерживается

На искусственном глазу возникает нарыв
вот-вот он лопнет.
В данной связи позади мужчины:
кошка крадучись покидает сцену

Моя любимая песня

Твой нос
подробная стеклянная обезьянка
твои губы
с высоты птичьего полета: ожившая роза плывет
над раскаленным асфальтом
твои губы... нет, я не могу остаться

Твоя рука
властный взмах по направлению киоска через дорогу,
я покупаю тебе газету
шампанское моего пупка
мы слегка остудим

Твоя спина
изогнутая титановая лестница
я объят твоим хребтом, твой хребет это
бархатный панцирь, в то же время
пантера

Твои ноги
я иду рядом и –

Твои лопатки
бабочки из пыльцы и пыли
несравненные твои лопатки, ключицы –
знатный паланкин моих сонных дней

Я проникаю в твою ушную раковину и
шпионю: глазок в строении твоей головы

твое ухо
провал шептательных изысканий
а также последнее хранилище моих болей: о!

Твои виски
земля мне пухом, в то время как я
седалищу твоему назначен сиденьем

Твой подбородок коснулся локтя
поэтому, полагаю, он стал фарфоровым, этот мой
локоть
смотри-ка, он расписан синими орхидеями
синие орхидеи, что
тебе в поклоне доставляю к постели
с кувшином jus d'orange на подносе.
твой затылок: я наливаю – кто проснулся?

Твой шрам
ошеломляющий браслет к оперной премьере
лишенный горечи –
к волосам взмываю, в твоих волосах
травы, ветер и капелька канители

Словно ночь в лесу, она не уходит
пленительность перста твоего, указующая:
этот просвет
твои груди
да святится место сие, вояж в безумие –

Я раскрываю зонт
держи наготове ноги
сейчас пойдет снег – гляди!

Я слагаю голову к твоему животу
твой пупок внезапно имитирует раковину
тихо, он шумит – и я слышу, это песнь голубого кита
о нежности мизинца твоей ноги
он поет о долгом странствии к коралловым рифам чаш
твоих коленей –

Я очнулся на кончике пальца
смушенно целую его и спускаюсь
в долину твоих ладоней
и следую световой колеей
над головой у меня
мигают звезды твоих зубов:
шлю твоему стоматологу крокодильчика из малахита

Твое лоно
зависло над облитыми бисером телами и головами –
никаких вентиляторов, виток за витком
нас скручивает винил
мягкое мороженое
для ягодиц – ау, ягодицы – как температура?

Втиснутые в соул, мы лежим
клубничинами в сахаре
спят нетрудоспособные мотыльки в наших животах

Призыв твой
это звук, тот самый, это запах твой
тот самый, это не строка
это сбой дыхания
это строфа недописанная, это чистейшее подсознание
это нектар, тот самый
это нектар богов, мой последний глоток, нектар –
//

Вдыхаю тебя, ты дышишь мной, мы дышим. –

Беру внимательно твою голову в руки
глаза твои... я молюсь за нас –

Вокруг твоей шеи обвился
и жду, пока не... даже не знаю –
сведется ли мир к одной точке?

Лишь ты направляешь меня.

Стакан воды, на, прими от меня, хотя бы я
и закрывал
твои веки

Любимая, что делать нам?

Высокие слова для природы

Я в постели
лежу под открытым люком
среди одеял, тело

Я на опушке
лежу под пером и пухом
под светлой древесной кроной, тело

Дождь остужает мне жаркие щеки
а я *against the rain*
твержу, сложив руки:
Что ты такое, природа?
Чем ты была? Чем стала? –
Вытянув руки, подавленно
я спрашиваю, так где же ты

Коснулся этого мира

Лаванда, шалфей, как всегда

Я не ношу твое имя камнем на шее. Имя твое
все равно ударяет
мне точно в голову
имя твое
все равно реет
над моей головой
все равно. Твое имя
пало на голову, в голову мне.

Твое имя гусеница, не вылезаящая из отравленного
ею яблока. –
Вижу тебя, вообрази-ка:
ты держишь руку у меня на губах, ты изгибаешь шею
прижимаешь к затылку затылок, затем
яблоко: выплевываешь.

Мы пара киндер-сюрпризов друг для друга
я подниму тебя, ты падаешь вниз.
Я не ношу твое имя камнем на шее. Имя твое
все равно ударяет
мне точно в голову.
Мы пара киндер-сюрпризов друг для друга
с учетом
моих и твоих капризов.

Когда-нибудь

Дрозд прилетит, что-то
прошебечет тебе на ухо:
вместе с яблоком ты тронешься в путь
и дрозд прокричит: спеши, гусеница, спеши.

//

Как мне докричаться? – Твое имя
разрез в области шеи.
Кто-то обещал тебя исцелить? –

Ну же, чтобы ты, наконец, уснула, я сошью для тебя
подушку
внутри, да: лаванда, шалфей, как всегда. –
Все равно
имя твое
все равно реет
над моей головой
все равно: твое имя...

Была не была: крестная сила
что ж, если не я, заверши эту чертову строчку. –
Ударь пальцем о пяльцы:
вон червивое катится
твое яблоко в закат
тон строг, плотен стежок.
Сложи, сострочи, срежь.

Как бы это ни прозвучало:
я на пальцах высчитал и рассчитал
что это начало
может дать сначала:
эти слова –
давай!
нет, да будет тьма, а не свет. –

День за днем уплывает
все равно куда, ты оттуда
но не сюда, сюда не
возвратишься, видимо, не
все равно. Но видеть

тебя – это passé
я пью гясе.

Я не ношу твое имя камнем на шее. Имя твое
пало на голову, в голову мне.

Не забыть бы слова.
О, ну же, давай:
звонок, где же
он, хотя бы ринг-тон!

Что я знаю точно, не всякий знает
день за днем я уплываю
но все равно pro –
а ты-то contra.

Поднимаю взгляд, часы на кухне, они мне рады:
о, ты, стаканчик прохлады
добытый, но до сих пор не допитый
о, ты, бутерброд
брошенный вне, если не точно в не: тостер. –

Всё не просто? –

Ты, теперь ты спасена, моя гусеница? Прости мне этот
тон, но
все равно. –
Поверь, если бы ты теперь заключила меня в свои крылья,
теперь
это стало бы, заметь, чудеснейшей былью
назвать тебе твое имя
ведь на тоскливом чертовом стоне
посланию заканчиваться не стоит.
//

Крестиком с той стороны подушки:
я один в саду, лежу себе на опушке
бриз проходит мимо, солон, небрежен
тон решителен, стежок стремителен.
Сложи, сострочи, срежь.

Я коснулся этого мира

Я кладу голову на Австрию, в предвкушении
долин и взгорий, в предвкушении роц заповедных, в
предвкушении
лугов на склонах, крутых, зеленых, куда ни один плуг
не забирался еще
в размышлениях об уюте
о спокойно заглатывающем уюте за столом завсегдааев
на краю долины
быть в венском обществе значит не засматриваться
на небо
даже на пасмурное –
горы,
я вижу их,
а вдали лежит Венгрия.

В Германии в турецкой закуской: на меня веет
красотой Турции:
воды, голубые, пляжи, белые, бирюзовые слезы и
дёнёр\кебаб:
Германия
с Турцией на плакате
я заказываю себе йогуртовый напиток и спрашиваю тур-
чанку при кухне, на что бы она хотел взглянуть в Южной
Америке, если бы полетела туда, она говорит о познании
иной культуры;
я не понимаю.

В Суринаме я ем пропитанные сиропом вафли и ложусь
под боком у Атлантики

и в подвернувшихся под руку книгах я читаю про войну
и думаю при этом о сложных чувствах
в руке бокал с коктейлем из цитрусовых, алкоголь\free.

Швейцария, о, мой носовой платок, взываю к туманам из
вод прудов
твоих, стоящих в прострации
и я бросаю тебя на Францию.

Франция: я завис давно, красное вино, белое вино
в сельской забегаловке я лакаю, хотя разве же это питье,
красное вино, встав на колени, из больших ладоней хозяйки,
пока слезы не появляются в глазах у нее, маленькие моря,
они не высыхают
солнце и дождь моментально творят радугу
в небе.

В Париже, в подземке я пишу стихи: к следующей
остановке должны быть готовы
так думаю я и пишу: – на вокзале я покупаю масло
и отправляю его в свой отель с таксистом
ведь я хочу дошагать до отеля пешком и без масла
ведь я хочу в одиночестве касаться кожи Парижа
ведь я хочу забальзамировать Париж для себя навечно
ведь в такси я могу коснуться лишь кожи сидений:
одинаковых в этой части мира
и я бы ни за что на свете не вынес вида тающего
в такси масла –
а вечером: я натягиваю на ноги тонкие чулки и крашу рот
красной губной помадой, я тщательно выбриваю волосы у
себя подмышками, выщипываю брови, а пудра лепит для
моего лица черты андрогина, я долго зашнуровываю кор-
сет из лакированной кожи, чтобы этим подчеркнуть бедра, я
целую зеркало, и там, где мой нос коснулся зеркала, теперь
глаза с поволокой:

я думаю о воспоминаниях: я кажусь счастливым, счастье:
я думаю о том, как стою в порту: Нью-Йорк, я прибыл
мною движет святая простота
я не знаю горя, оттого странствую.

В Нью-Йорке, в музее искусства: картина, я разнюхиваю
трофейный шедевр
в Нью-Йорке есть отели в изобилии, венецианка и лепнина
избыток света и лоска
в просторных лобби.

Чайнаугаун: швеи прилежны, безмолвны, а миру
полагалось бы стать красным и золотым, наружу
швами.

В Гарлеме мне бы хотелось облаку
петь, в белом костюме
я думаю о прикасании к миру: в Гарлеме.

Бразилия, о, ты одари детей своих улиц, когда я
прибуду
желаю безмятежно помтики рыбы есть в ресторане
раздайте зубочистки до моего прибытия.

Голландия: здесь гора внутри, здесь гора в горе
в квадрате
плоское меня отпустило
мне безразлична: мистика голландских гор.

Я сижу под деревом, падает спелый плод, я поражен:
Колумбия, о
плод должен быть сладким и нежным, должен он
иметь настоящую мякоть с жестким ядром:
Колумбия, ты страна солнца, страна, что стала так
далека, когда-то я видел по телевизору

твою футбольную сборную, с тех пор она где-то в тени –
зелень лесов, она такова, что заставляет забыть о стволах
и о сучьях растений
все беспросветно зелено в великих лесах
Колумбии

Аргентина, одиночество: лошадь и всадник
в дали, на росстанях, где висят дорожные знаки:
найди свой путь, найди суть пути
солнце обжигает мне голову
выдавливая на лоб жемчужины пота, прямо на
солнце: чужбина: костры и красные цветы для
комнаты на закате.

В Китае оплачиваю критический реализм
в Индии по головам глажу детишек:
этого достаточно, чтобы стать сытым.

В России я узнаю: нетребовательны бурые медведи,
пишу я у себя на запястье:
работаю на воздухе, в поле: только на воздухе
на негостеприимном холоде, – вот мои руки намертво
примерзают к лопате, с лопатой я ложусь спать,
она оттаивает от тепла рук:
к следующему утру лопата и руки прирастают
крепко друг к другу –
я прислоняю свою голову к самовару.

В Москве, накрывшись платком, я плачу с русской матерью
над ее сыновьями, все солдаты, им уже не вернуться, им
никогда назад не возвратиться:
покупаю хлеб и делю на части –
сгнуло уже так много сынов России.
//

В лесу Швейцарии гриб гниет со шляпки:
я сижу у огня, над огнем, проткнутый насквозь кованым
прутом, висит истекающий соком, брюхом
то вверх, то вниз кабан
я в гостях у кузнеца, дающего пир в своей усадьбе,
чтобы впаять гостям свои шедевры: на столах танцы
барочных дам
дети лежат со жбанами выдохшегося пива и молока в
стогах
в компостной яме, под прелой листвой не разлагается
компьютер никак.

Африка, о, я хочу принести тебе мир и свои песни в
придачу
я одет в униформу, красно-розовую, когда я в сандалиях
с факелом в руке вбегаю в Кейптаун
не привлекая людского внимания
вот море и солнце, вот вода и звезда:
в Марокко я распеваю стихи в честь Ханса
Магнуса Энсенсбергера, чтобы напомнить о нем, я
полагаю, он умер.

Я покупаю в Японии мешок с углем
и подрисовываю себе куском угля усы над
верхней губой
как будто хайку под носом –
этот мешок с углем я приношу во дворец, чтобы
на чай обменять его:
в старом замковом парке:
я ложусь на совсем плоскую грудь японки
она цветет, как и деревья вокруг, бабочки вылетают
из ее пупка, ее губы матово-красны, ветер вокруг
нас, он проносит

цветочные лепестки с вишневого дерева над
нами –
мы не будем прощаться.

Испания, о, я хочу, чтобы между моих зубов застряла твоя
земля, в моем рту земля, я хочу твою землю жрать, я хочу
слышать, как хрустит она, пока я жру, задержать дыхание,
когда в моем рту каша из земли со слюной. –
В Барселоне я стану выкладывать эту кашу на улицы и таким
образом все улицы Барселоны слоем грязи покроются, это
мой знак для копытных животных, в Саудовской Аравии ста-
ну я покупать лошадей для испанцев, для улиц Барселоны,
мягким затянутых –
и я хочу скорбеть над быками
ведь я здесь.

В Белоруссии, все еще Белоруссии
хочу и могу и должен я
есть злаки, здесь есть только злаки, мало что еще
Белоруссия лишь благодаря злакам
все еще Белоруссия
еще пока.

Таиланд, о, я принимаю в итальянском отеле у аэропорта
ванну из сардинского шафранового масла без
воды в сицилийском фарфоре – для меня чересчур
спина моя напряжена, пожалуйста
купите у аэропорта на срезе рисового зерна шедевр
и потейте
спина моя напряжена.

Вытереть пыль со стекол очков
дрейфуя к стене без руля и ветрил: Иерусалим

хочу купить себе вещи, в Иерусалиме нет вещей
Иерусалим, я пою сложенный в парижском метро гимн
в твою честь:
я ничего не понимаю, я мало знаю.

В Сирии осведомиться о ближайшем вокзале:
я ничего не понимаю, я мало знаю
в Ливане осведомиться о ближайшем вокзале и открытки
слать и соответствия искать:
ничего не понимаю, я ничтожно мало знаю: я думаю, что я
понимаю
еще в Ливане осведомиться о прекраснейшей реке –
плыть на плоту
по реке при свечах, зеркалах и шерстяном одеяле
сквозь ночь:
я предпочитаю номер в отеле.

Сапожника и чистильщика сапог в Тибете готов я
искать
я приглашен на парадный прием в Лхасу, вакуу
ищу для волос, на дороге встал як
я думаю о коровах на делийских улицах и об одном
индийском кино:
небо заволокло
я фотографируюсь целый день с яками, чтобы затем на-
печатать открытки, чтобы потом продать их на Кубе, на
вырученные деньги попробовать установить паромное со-
общение с Австралией:
звонок из Гаваны в Австралию без слов.

Поманит сладкое, лижи мороженое в Маниле
я лижу в Маниле мороженое
в Маниле можно: сладкое, лизать.
//

В Сараево я посещаю некий концерт
развалины мечети, эти гости приглашены, но меня
те булочки не привлекли
речь идет о музыке в Сараево
о скрипках.

Я кладу голову на карту Венгрии
в моих ушах звучат скрипки Сараево
они по-прежнему поют о Сараево
а я лежу и все никак не могу решиться:

Я хотел бы умереть в финских озерах
за озером озеро выбирая не глядя
ныряя в новое озеро раз за разом: Финляндия.

С необходимостью

Девять мил. кв. км занимает Сахара,
величайшая из пустынь планеты.

Сквозь призму безответной
любви я вновь прихожу в себя.

Словно солдат на бесконечном поле,
за годы до или годы спустя после битвы.

Этот дом горел или
ему предстоит сгореть.

И кажется, разум вернулся избавлением
от необходимости что-либо понимать.

Одним днем меньше в этой пустыне,
днем больше с неосуществленной памятью.

Вот падаю на колени и вижу меж
пальцев убегающие песчинки.

Не видимое мне невидимо для остальных.
Это – с необходимостью – абсолютно.

Стать легче

Первый знак зимы, и пора быть проще
в отношении легкости бытия.

Глядя в небо,
высуни язык.

Ожидаешь чего ты?

Я тебе говорю:

одна снежинка весит 0,004 грамма,
ни больше, ни меньше ты выпадаешь в осадок.

Беседа

Не так чтобы и давно
в одном прогоревшем баре
за беседой о выгодах сплина
суицидальный синдром встретил смерть храбрых.

Но не успели они перекинуться словом,
как с потолка сорвалась крон-люстра.
Погребла под собой тридцать три несчастья. –
Их беседа продолжается и поныне.

Без отправителя, без адресата

Ветер несет под площадью,
на круги не своя, белый конверт без даты,
без отправителя, без адресата.

А я? – моя хата с краю.
Надвину поглубже шляпу, пойду себе дальше.
Сердце, сердце, где твой почтовый ящик?

Темное облачко

На парковочной площадке супермаркета,
согнувшись в три погибели,
парень шнурует ботинок.

Маленькое темное облачко проплывает над его головой.
Нашептывает непостижимости среди ясного неба.
Мужчина распрямляется, закуривает сигарету.

Ждет, опершись на крышу авто,
когда придет вечер.
Парковка пуста.
В море огней несчетные зуммеры насекомых.

Мужчина садится в машину, поворачивает ключ
и затем заруливает
– с улыбкой –
в ближайшее дерево.

Сравни меня

С танцующей пылью
сравни меня.

Ветер через окно несет
меня куда-то на улицу.

С травой, комариными крыльями
сравни меня.

Прожилка за прожилкой
я землей становлюсь.

С черным горючим камнем
сравни меня.

Лежу глубоко на дне.
Твое мерцающее подсознание.

Господь изучает руку

Отражение

Если я закрою глаза,
ты перестанешь ли быть?

Читай по моим губам.

Если я замолкаю надолго,
ты переймешь ли мой голос?

Читай меня между строк.

Продолжай слушать.

Но скажи, свет мой зеркальце: надолго ль
взялось ты меня удостоверять?

Камень обращается к человеку

Представь себе, камень, который ты сжимал в руке,
сжал тебя.

Представь себе, выбор пути
не за тобой. –

Трансцендентная связь времени и пространства
в тебе, они суть ты.

Строго говоря:

ТЫ

единственная неподвижная точка вселенной.

Все вертится вокруг тебя, и только.

Узбекская заповедь

Падаю из огня в полымя.
Я падаю, не понимая,
как я попал.
Я падаю – только крылья,
крылья всё не отрастают.

Вижу так много –
но нет
того, что меня удержит.

Покуда не окунаюсь
в зрачки твоих настороженно
сканирующих глаз и:
всплывая по ту сторону сетчатки,
воплощаюсь.

Оттуда или Туда

Иду роскошной аллеей
и собираю каштаны.
Падаю на кучи листьев,
в цветные фонтаны.

Вымечтанная издавна
осень, это она.

И вот я усаживаюсь на крыше
отцовского гаража.
Листва плывет сквозь
меня, стоит лишь закрыть глаза...

И я чужаком возвращаюсь
в невозможнейшие времена, назад.

Стою перед домом и словно вижу,
как у материнского лона меня встречает – послед.

Как я подвязываю пуповину себе самому,
как гаснет свет и по
следу я ухожу во
тьму.

Стебли травы распрямляются

Там стоит кувшин, на котором ты рисовала ласточку
на подлете к дому,
мы сживали перед ним дни напролет.
Кувшин отражен в воде.

Безмятежное озеро, где мы – всё еще пара ангелов –
купались сегодня.

Бесследно переливаются белые облака
в большую синеву;
я теряю нить в просторе
твоих глаз.

Тела, что лежат здесь в траве:
принадлежат ли
они нам или уже утрачены навсегда?

Может статься, знали истину облака.
Но они ушли.

Небо, спросишь? Что знает небо?
Оно серьезно поголубело.

Стебли травы?
Они распрямляются робко.

Время вне мира

В моих глазах лежит снег:
Следи, чтобы он таял.

Прыгай в лужу у меня под ногами,
окупись в нее, давай, подплыви ко мне.

Напейся-ка из моих глаз
как я из твоих, останемся на глубине.

Помахиваем флуоресцентными плавниками,
проводя наше время вне мира.

Вынырнем не раньше, чем
нас позовет весна;

И мы кувшинками
закачаемся на поверхности пруда.

Новая игра

Бросила бы ты лишь меня,
а вовсе не все эти вещи
в мире кривых зеркал:
Стол, за которым сажу.
Картина там на стене.
Шарф вокруг моей шеи.

Ведь это всего лишь игра
и вот я встаю перед рампой,
чтобы сквозь узкую щель
в чарли\чаплинской\маске
твердить свой немой монолог,

Чтобы занавес смог мирно упасть,
а игра
после спектакля
шла бы по новой.

Бросила бы ты лишь меня,
а вовсе не этот мой стол
с той картиной и не
твой шарф, что на мне
даже сегодня.

Голоса

Я то, что ты пропустила,
то, что не написано.

Белый шум, вы-
носимый\за\скобки.

Голос, что немо взовьется,
начни ты читать эти строки.

Голос, что ты мне даешь и
вновь берешь, перевернув страницу.

Моя любовь к тебе

Подобно черствому хлебу я
хочу после смерти
оказаться розданным в кругу
одетой во всё черное
семьи и быть преломленным в
твою неувядаемую память.

Благая весть

В окне витрины ты обнаруживаешь незнакомца,
у него твое лицо, на нем твоя шляпа.
Ты поднимаешь свою, в дружеском привете.

Кажется, будто ты перед магазином одежды
порываешься завязать разговор с самим собой.
Однако незнакомец изящно выпрыгивает из рамы.

Идет снег – ты ощущаешь себя протагонистом
рождественской истории,
рассказываемой к началу с конца:

Ты протягиваешь незнакомцу руку, подмигиваешь –
и вот уже опять ты в одиночестве перед витриной,
и сквозь снегопад следы... никуда не ведут.

Подкидыш

Что бы сказал на это твой отец?

Он, на чьих плечах лежала семья,
крутившийся до последнего,
так никогда и не выкрутившийся.

Сводивший вас при жизни в могилу.

Будь он до последнего среди нас –
ты думаешь, он бы и не подумал в ближайшем
будущем перевернуться в гробу.

Ты рассматриваешь себя в его медальоне,
который носишь на шее, ты закрываешь глаза:
лучше вспомни, как ты умеешь считать, кукушонок.

Цветистый уход

Я покину тебя прежде, чем меня ты.
Все-таки, дорогая, присядь,
стол уже накрыт.

Возьми в руки вилку и нож,
твой цветущий рот самый
желанный способ проститься.

Насколько мы с тобой сейчас
далеки, настолько
я еще раз хотел бы быть близким.

Съешь все до кусочка.
Брось ключ в почтовый ящик.
И я испарюсь из твоего желудка.

Не менее 4000 оттенков

Поигрывая темной,
между пальцев зажатой палочкой,
на заднем дворе он корячится в луже.

Ученик чародея, взгляд вверх
на старое, разлапистое,
отраженное в воде дерево.

Фокус-покус, он враз изгоняет из его
кроны в серый воздух
тысячу пестрых колибри.

Сквозь гардину небу подмигивает сам
мастер – считает, суммирует, смеется,
к старым письмам склоняется снова.

Выход памятника

Вот такое сегодня опять-таки особенное сегодня,
бормочет себе в мраморную бороду пророк,
торжественно сходя с постамента.

Пророчество

Поток возле наших ног
сквозь прочие потоки течет в море.

Сидим, взявшись за руки, на берегу,
а время пробегает без нас.

Проскальзываем красной нитью,
как падающие в воду капли.

Тот кит, в чьем желудке мы плещемся,
говорит, что он Бастер Китон.

Он носит нас, пока связь с берегом
не перестает быть реальной.

Кому бы икнулось, чтобы нас
выплеснуло обратно!

Господь изучает свою руку

От указательного до среднего, где
спят и бодрствуют страны заката,
там люди живут, прихлопнуты
пыльной тряпкой самосознания.

Летающие высоко и все выше за облаками,
ныряющие глубоко и все глубже в море.
Догоняют сами себя на дороге длиною в жизнь,
ломясь по возможности в открытые двери.

Ему это определенно надоедает.
Лоб в глубоких морщинах.
Господь изучает свою руку –
духом смуты одержима ладонь.

Мечты спящего

Кто-то, наконец, засыпает в самом конце
длинной стойки.

Между вдохом\выдохом вполне
может перемениться жизнь.

И вот кто-то сонный ходит по перилам
балкона туда\обратно.

Ядерный синтез

Мы белки на орбитах,
я, протон, ты, нейтрон.

Никак не придем
к тишине согласия.

Когда я молчу о чем-либо,
ты молчишь о чем-то другом.

Мы отражаем друг друга,
пока не станем прозрачны.

Кто такой я, кто ты такая?
Слияние невероятно.

Нужны новые имена.
Кроме звука и ярости.

Конец присутствия

В игрушечных гостях

Вот холодный очаг, вот старая ванна.
Здесь окно, под ним я и говорю, и пишу.

Двери, на которые нужно опереться,
чтобы открыть их; замок заговорен.

Комната, я в ней просыпаюсь,
и перина, я в ней тону по ночам.

Вот они, лежат монетки под креслом,
на чьей спинке брюки мои висят.

Это улица приводит меня к киоску.
Киоскер с вопросом: как оно? все ли ОК?

Итак, мой заводной механизм.
Нитки, натягиваемые мной.

Нитки, мои путеводные нити.
Тот, в чьих они руках, победил.

Да, мне очень приятно.
Стало быть, мы продолжаем.

Вторжение

Пока я рассиживался здесь, пытаюсь дать
имя тому, что я вижу,
огромная рука вдруг вторглась из
пустоты в мою повседневность
и однозначным жестом
предложила
заняться постижением
основ вселенной с нуля.

Натюрморт

Сова\пороша и выпотрошенная мышь
на кухонном столе.
Корзина гнилых яблок посередине.

Роющийся в столовых приборах сорочий клюв.
Колет орешки евращка.
Три ежа подкатываются к духовке.

Над столом на стене висит чье-то ружье;
спит на лету ночная бабочка
своим сном без снов.
Напольные часы тикают: все в порядке.

Вдруг кто-то открывает двери на кухню.
Барсук выдергивает из раковины затычку,
звери, ахалай-махалай, сматывают
удочки обратно в лес.

Без вопросов

Соломинкой перекаत्याваю кубик
льда в стакане.

Сегодня в полтретьего пополудни
Ничто по-прежнему Ничто.

Обладай лед сознанием, он
таял бы столь же бездумно, как сейчас?

Стакан, лед, соломинка.

Кто что кому? – Вопросы?
Смерть разрешит их все.

Лишь временно

Лежим, ожидая, в своих впадинах.
Я целое море и ты целое море.

Над нами повторяют ветра
проторенные маршруты.

Мы лежим в ожидании сдвига
климата, таянья полярных снегов.

Того, что, испаримся и станем едины.
Земля, не сумевшая нас соединить,

Останется позади – на долгой дороге
домой, к центру Млечной дороги.

Жизненный план

Он встал у окна,
купаясь в вечерних огнях города.

Дыша узорами на стекло и руки
сцепив на затылке.

Шампанское искрится вечно.

Чего он не говорит:
того, что может
быть сказано иначе.

Звонит телефон.

Он отвечает и тихо водит пальцем
по шву воротничка своей сорочки.

Миры так девственны и свежи!

Чем он располагает, так
это громадьем планов,
более ничем.

Медитация

Крепчайший смог
над городом,
жара, асфальтовые
миражи.

Мертвая птица лежит
в канаве.
Напротив скамейка, ты сидишь
на ней, глаза закрыты.

Транспорт, попутный ветер
ерошит перья; они
щетинятся
высоко над дворами.

Ты глядишь на них,
прикидываешь, что больше
ты не выйдешь из транса,
и, смеясь, удираешь.

Эскапизм

За плотными шторами,
спиной к стене,
зарывшись лицом в колени.
Твои страхи суть птицы,
слетевшиеся к тебе не вчера.

Похоже, мир рванул в обратную сторону.
Раз мир ничей, думаешь ты, его
плюс страх плюс еще
одиночество тебе
придется делить с мириадами звезд.

Мой милый лебедь

Я прохожу берегом озера.

Лебедь, обиженное,
это безумно обиженное существо. Киваю ему.

Делюсь хлебом.

Хочу раствориться в том,
чего нет, чего не может быть.

Большая любовь – усталая,
измученная птица. – Она уже готова к отлету.

Мой милый лебедь, пора тебе стать сильным,
бабушка на ухо шепчет с больничной койки.

Конец твоего присутствия

Дым, который ты выпускаешь в комнату, и
молитва, которую ты вспоминаешь.

Сигарета, которой ты затянулась, и
печаль в твоём взгляде.

Окно, из него ты смотришь на мир, и
улыбка, её не удержать.

Застывший дождь, застывших струй шелест.
Пепельная изморось у тебя на коленях.

Ты села так, как если бы ты ждала
конца своего присутствия.

Сними пальто

В твой поход пускаюсь
практически налегке.

Следуя линиям твоей руки, знакомая
неведомая земля.

Врач сказал тебе: снимите пальто.
Ты сказала: под ним ничего нет.

Все же мы лежим рядом и
вот все настоящее!

Пока ты здесь, следуя за тобой,
я иду дальше.

Я ничто не в меньшей
степени, чем ты.

Следуя линиям моей руки,
займи ничейную землю.

Станция

Я – станция, прибытие
на которую мне предстоит.

Но больше мысль
о ней не может свести меня с рельсов.

Я – пейзаж, пробегающий
за окнами этого поезда, который тоже я.

Не знает поутру, как и я,
трепетное мое сердце, чья же вечерняя грудь
нас приютит.

Назад сквозь время

Кто сказал, что люди не могут летать?
Когда бы явился искомый герой,
сила тяжести поддалась бы.

Стою вверх ногами,
не носит меня земля, я несу ее,
и всё вверх ногами.

Мы летим назад сквозь время,
спасаясь от бесконечно
ограниченной нашей грезы.

Куда ни кинь, конечное свойство
одной мысли есть
обреченность другой на стирание.

В итоге –
это мое беспокойство,
приют без странника.

Говорящая вода

Женщина, глядящая на плейер, зажатый в руке, в такт
покачивает ногой, под изумленными взглядами
она идет, танцуя, по столам бара
в спящем предместье Токио –
смушена своим танцем больше всех, смеется звонко

7 дней Ciba\Бар

Здесь в любое время 3 часа утра.
На 7-е сутки чистого угара я ищу
хоть какой-то конфронтации.

Затеваю с теми разговор о том-сем.
Замечаю проблески и нити,
чтобы слово
за слово о них забыть потом.

Вечеринка non\stop пока еще не декларация.

Ciba\Бар: здесь в любое время 3 часа утра.
Обрамлен аутентичной декорацией,
ты почти начало окончания.

Ты и сам смеешься Че\Геварой со стены.
Безусловная победа. Ты в полете.
Но и здесь все руки тянутся к синице,
а не к журавлю в полете.

Эти ночи никогда не станут днями,
ночи, но не дни.
В поисках чего угодно натыкаюсь на
себя любимого, черт возьми.

Мой порыв понятен одному,
длительно и бесконечно пьяному,
прикорнувшему среди бутылок таракану
в ожидании бесславного конца воскресным вечером.

Поющие под дождем (купюра)

Джину Келли

Глубина лужи не сразу поддается оценке,
и к твоему горлу подкатывает вода.
Панорамный кадр: видны одни
твои руки с пляшущим в них зонтом.
Ребенок узнает его полукруг среди струй.
«там! Огромная черепаха!» – кричит он матери.
Очередной порыв ветра несет зонт по улице,
будто все это лишь игра, поющий ты
выныриваешь из соседней лужи;
отбивая степ, скользишь из кадра. *(склейка)*

Русский свет

К. и Н.

Наверное, и в России тоже где-нибудь горит
свет, которого никто не видел,
свет, так озаряющий суть вещей,
как никакой другой.

Трое хмурых мужчин сидят напротив, читая газеты.
Когда мы покинем подземелье, им придется
встретиться с косыми лучами солнца.
Я всматриваюсь куда-то в даль между их головами:
Москва, о которой я слышал с детства,
с которой в первый раз встречаюсь.
Этот свет на фасадах,
какое-то неприсутствие черноты в это время.

Представляю себе истории за кулисами тех фасадов;
от мелких ссор до второго пришествия.
Всего это не видишь из окна моего вагона.
Днями под землей, я совсем спокоен,
пытаюсь закрыть глаза и представить
себе слепое солнце,
но не удается.

Вагон встал, а я бы радостью расположился в тени
мерседеса, запаркованного прямо на тротуаре,
и считал бы лодыжки людей, спешащих мимо,
в вечерних сумерках неожиданно закрапал бы дождик,
светлый дождик, потом: сияние вдоль всех улиц.
//

Что за козырь сумеет свет предъявить темноте,
если они вдруг сойдутся где-то ради последней дуэли?
Открою глаза, напротив три хмурых мужчины,
они все глубже погружаются в свои газеты:
Какой картине мира веришь столь безоглядно?

Сидящая рядом женщина поправляет платок.
Я замечаю жмущуюся к ее ногам собаку,
мне вдруг чудится, что Москвой, в сущности,
правят псы, и на кривой козе этих блудных псов,
стоит им сплотиться вокруг общей цели,
скоро не объедешь.

Один хмурый мужчина идет как во сне,
смотрит куда-то сквозь меня,
как будто вовсе не я исподтишка
следил за ним все это время.
В оставшийся пробел падает свет, а в свет сам по себе
легко влюбляешься, чудится мне.

Рассматриваю вагон, все эти творения света,
что неведомо как сюда явились,
вырваться из темноты как смогли они,
и удастся ли им войти в нее обратно?
Что же это за особый такой народ?
Ведь все народы суть одно и, в общем-то, то же.
Не хочется пустого блеска, но разве не у всех
нас есть свое время, до и после нашего света?
Уходим ли мы от темноты все дальше и дальше?

В собачьих зрачках, где-то между ногами женщины,
мог бы блеснуть свет, который я прозреваю в России,
но мне всё не удастся встретиться с животным взглядом.
//

На следующей станции мне пора. –
То, что ишу, как раз случается, уже случилось, еще случится.
Неведомое мне.
Покидая метро, я вновь выхожу на свет
московского полдня.

Перед этнографическим музеем

Человек появился в эпоху голоцена
и продолжает появляться.
Давай-ка что-нибудь выпьем,
нам все равно
ничего не дано с этим поделать.

В серии ГЕОГРАФИЯ ПЕРЕВОДА Русский Гулливер
планирует выпустить книги Артура Алликсаара, Иоганнеса
Бобровского, Ояра Вацietиса, Сигитаса Гяды, Жана-Пьера
Камю, Курта Марти, Чеслава Милоша, Йозефа Петерки,
Эберхарда Хефнера, Пауля Целана, Ульфа Штольтерфота

www.gulliverus.ru; www.gvideon.com